

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2025 – 2026 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

10 класс

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Григорий Бакланов

(1923–2009)

Надя

Война кончилась, но всё ещё жило и мыслилось войной и ждали тех, кто уже никогда не вернётся. А к миру начинали привыкать заново. В этой наставшей для всех мирной жизни надо было и мне что-то с собой делать. Я уже начал писать понемногу, скрывая ото всех, как что-то стыдное. Честолюбивые мечты не одолевали меня, но по ночам, заслонив изнутри ставней окно, я сидел и писал, зачем-то мне это было нужно. И вот решил поступать в институт, многие из тех, кто вернулся с фронта, делали так, решился и я. Однако полагалось иметь аттестат об окончании школы, а я и того не помнил, где и когда он потерялся. Всё, что возил с собой в полевой сумке – фотографии из дому, два последних письма от брата из-под Москвы, из сорок первого года, – всё это пропало, когда меня ранило. Даже почерка Юриного не сохранилось, последнего, что оставалось от него.

Может быть, за Уралом, где война не сгоняла людей со своих мест, города не бомбили и не обстреливали, сбереглись там и письма с фронта, и «похоронки», и все те справки-бумажки, которые сопровождают нас по жизни, удостоверяя, что мы – это мы, сохранились и пережили своих хозяев. Но в Воронеже стоял фронт, с той и с этой стороны били по городу из орудий, взрывали его, бомбили – где тут чему уцелеть? И школа не уцелела, в которой я учился, и дома нашего не было, да и города фактически не было. Поэтому установили правило: если трое учителей могут подтвердить, что ты закончил школу, получил в своё время аттестат об окончании, тебе имели право выдать дубликат аттестата. Трое – это не так мало, если иметь в виду, что одни погибли на фронте, другие – в тылу от голода и болезней, а чей-то след затерялся в эвакуации... Я написал моей однокласснице Наде, так буду называть её, она разыскала троих учителей, все трое женщины, и среди них грозный наш директор, наша учительница химии Екатерина Николаевна Попова, про которую мы не столько сочинили, сколько из знаменитого пушкинского переделали: «Товарищ, верь, взойдёт она, Екатерина Николаевна, восьмой класс вспрынет ото сна, и на листках дисциплинарки напишут наши имена...» Нам это казалось необычайно остроумным.

Был где-то еще и четвёртый, мужчина, он вёл у нас русский язык и литературу, он уже тогда, на наш взгляд, был пожилым. Его я вижу ясно, а лица стольких близких мне людей отдалило время, и они смутно различимы. Бывало, принесёт он кипу наших контрольных работ, положит на стол. «Посмотрим, кто у нас сегодня “будущники”...»

И выкликает по фамилиям тех, кто «будущее» написал через «ю», чтобы они встали и все на них посмотрели. Одной из «будущниц», Мусе Владимировой – она была на год старше нас, на тот второй год, на который осталась сидеть в восьмом классе, – он говорил не раз: «По-настоящему фамилия твоя Во-ло-ди-ми-ро-ва!» Как он это произносил!

Поезд на разбитый воронежский вокзал прибывал утром. С немецкой полевой сумкой в руке, куда я собрал немного, что требовалось в дорогу, я вышел заранее в тамбур и поверх голов смотрел на перрон, вдоль которого мы проезжали. Там среди встречавших стояла Надя. В шерстяном платке, в ботиках, которыми постукивала нога об ногу, она глядела растерянno. Мелькали вагоны, окна, лица, она дёргала головой вслед. Спрыгнув, скользя и раскатываясь подошвами сапог по натопанному снегу, я бежал к ней, а она глядела мимо. Вскрикнула, когда я набежал, вспыхнула до слёз, мы так с ней от души радостно обнялись и расцеловались, как уже никогда после. И весь этот день за руку, под руку, рядом ходили по Воронежу, приходили к нашим учителям, и всюду нам радовались. Сказать по правде, я считал, что радуются главным образом мне: я вернулся с фронта. Но наша учительница географии, оставшаяся после войны одинокой, уже провожая нас, прижала к себе Надю в сенях, поцеловала её в голову, а та вспыхнула благодарно.

Обедали мы с Надей на проспекте Революции в ресторане «Бристоль». Все предвоенные годы я видел огромные окна этого ресторана из окон нашей квартиры или с балкона – мы жили как раз напротив. За кремовыми сборчатыми шторами там звучала музыка по вечерам, шла своя неведомая жизнь, а в поздний час швейцар, похожий на адмирала, распахивал двери и выталкивал пьяного, тот сразу начинал рваться обратно. Под рестораном были магазины, их разделяла арка во двор, и там, во дворе, жила Надя. А в эти магазины столько раз становились мы в очередь: за маслом, за селёдками, за дешёвыми конфетами вместо сахара. Обычно за маслом подымались в пять утра, давали его по четыреста граммов в одни руки, номер очереди писали чернильным карандашом на ладони: как клеймо на мясе. Однажды я выбил в кассе чек на семьдесят пять граммов монпансье – на сто граммов у меня не хватило. И продавец при всех добил меня: «Как же это ты, мальчик, высчитал?..»

В гардеробе я снял с Нади шубку, платок, она пригладила волосы на висках ладошками, одёрнула тесноватые рукава платья, шепнула: «Как думаешь, ничего, если я ботики не сниму?» Я шёл впереди, она, робея, как школьница, следовала за мной, я

пропускал её в дверях. И вот мы сидим друг против друга в высоком холодном зале у высокого окна. Стол покрыт жёсткой от крахмала холодной скатертью. Крупный снег падает за окном, я смотрю, как на той стороне он сыплется внутрь нашего дома, куда провалилась крыша, рухнули перекрытия, полы, когда-то крашенные масляной краской, столько раз мытые... На всё на это, погребённое, падает снег. Он сыплется сквозь металлический остов балкона, уцелевший над пустотой. Здесь росли в деревянных ящиках повители, петунии, табачи, сильно пахли они по вечерам. А по каменной лестнице, обрушенной и заваленной щебёнкой и снегом, вбежала, помню, на балкон моя сестра Юдя: «Мы с Тоней идём на фронт!..» И вот я смотрю из «Бристоля», как туда, внутрь нашего дома, падает снег, и целая жизнь, которой нет и как будто вовсе не было, у меня перед глазами.

Подошла официантка, ставя графинчик, оценивающе оглядела Надю опытным своим взглядом бывалой женщины, чуть улыбнулась мне, вроде как своему. На миг и я увидел её глазами Надю, стеснённую непривычной ресторанной обстановкой, неуверенную в себе, косы её жиденькие крендельком на затылке, запудренные прыщики у корней волос на большом выпуклом лбу. Сколько раз я списывал у неё контрольные по математике, весь восьмой и девятый класс, пока не перешёл учиться в авиатехникум.

– Помнишь, мы собирались у меня в восьмом классе? – хватается Надя за прошлое, в котором она уверенней. – А помнишь, здесь раньше стояли Михайловские часы.

Да, правда, Михайловские. Уже не помню, почему они так назывались, их ещё до войны снесли, немного сегодня найдётся людей на свете, которые помнят их, зелёную дощатую будку на проспекте Революции.

Я смотрел туда, где они стояли, и видел, как здесь же, у «Бристоля», на садовой скамейке, я сдавал экзамен по химии нашей строгой директрисе Екатерине Николаевне. Война уже шла, но наш год всё не призывали. И вдруг разнёсся слух – много тогда возникало всяческих слухов, – что возьмут вначале тех, кто закончил десятилетку, а я не закончил, я из девятого класса пошел в авиатехникум. Вот тогда мы со школьным моим другом Димкой Мансуровым решили, что мне надо срочно сдавать экстерном за десятый класс – на фронт мы хотели идти вместе. И химию у меня принимали на садовой скамейке, а на другой скамейке сидел Димка, подсказывал, потом к нему сел пьяный и очень веселился. «Ты на себя посмотри! – возмущалась Екатерина Николаевна. – Нет, ты посмотри на себя и на Мансурова!

Мансуров идёт, я понимаю, от него прок будет. А ты что идёшь?» И вот жива Екатерина Николаевна, жив я, приехал в Воронеж за аттестатом, а Димки Мансурова нет.

Однажды зимой мы шли с ним из бани по морозу и всё не могли расстаться никак: то он проводит меня, то я его провожу. Мы решали, как будем жить дальше, и решили вот что: я заканчиваю авиатехникум, иду работать и помогаю ему, пока он закончит институт. Потом поступаю в институт я, а он помогает мне. Это была последняя предвоенная зима, следующей зимой или весной – не знаю точно – Дима Мансуров сгорел в танке.

Помню, как явились мы с ним на вокзал брать билеты до Смоленска – там, в районе Вязьмы или Смоленска, воевал полк, в котором мой брат был командиром орудия, мы хотели бежать к нему. Смоленск был уже взят, но разнёсся слух, что наши опять освободили город. Как тогда верили слухам, как хотели верить! Дежурный по вокзалу повёл нас к себе и осторожно выпрашивал: правда ли, Смоленск опять наш, откуда нам это известно? Билет нам, конечно, не дали. А через вокзал шли, шли эшелоны, в товарных вагонах, в открытых дверях, стояли, сидели молодые ребята во всём военном; им повезло, они были старше нас на год, на два года. Эшелоны мчались, увозя этих молодых ребят, я вижу и сейчас, как они глядели из вагонов, я часто думаю об их судьбах.

До позднего вечера ходили мы с Надей по Воронежу, то рядом, то друг за другом по тропкам, протоптанным на тротуарах в снегу. Редко позванивали трамваи, сквозь морозные окна они освещали улицу вокруг себя и свет увлакивали с собой. Машин почти не было, на театральной площади перед уцелевшим драматическим театром с колоннами мигнул светофор и провели козу. Старик тянул её за рога на верёвке, старуха подпихивала сзади варежками, коза упиралась посреди площади.

Не засвеченная электрическим заревом полная луна стояла над городом, над развалинами Девичьего монастыря и светила, как в поле. Ещё на моей памяти жили там в кельях монашенки, мережили на заказ простыни, батистовые носовые платки, наволочки, с великим прилежанием вышивали гладью чужие монограммы. Засыпанные снегом кирпичные развалины напоминали издали чёрный силуэт согбенного монаха с посохом. И, пока мы шли, луна, светившая над ним, и монах, казалось, движутся сквозь косо летящий снег. Надя рассказывала, будто из этих развалин, когда ушли немцы из города, вылез обросший, дикого образа человек с длинными ногтями, скрывавшийся в подвалах... Много таких легенд ходило по Воронежу.

Жила Надя теперь под горой. У дощатого, засыпанного снегом забора мы долго стояли. Я распахнул шинель, полами охватил Надю, прижал к себе.

– Но ведь не любишь, – сказала она, готовая поверить. И это остановило.

Постелили мне на полу. Младшая Надина сестрёнка всё заглядывала, выдумывала себе какое-нибудь дело, чтобы зайти: любопытно ей было, как мы сидим вдвоём на кухне,

пьём чай. Засыпая, я долго ещё слышал шёпот за перегородкой, это мать что-то шептала Наде.

На другой день Надя провожала меня. Опять я стоял в тамбуре, поезд тронулся, я махал рукой, и перрон, и Надя в ботиках – всё отдалялось в косо летящем снегу. И даже в этот момент ничего я не понимал и не чувствовал, кроме смутной вины перед ней. А ведь два дня назад она встречала здесь суженого, которого судьба сберегла для неё, но только я это понял много позже. Да и кого же ещё было ей ждать, встречать, если из всего класса, из всех наших ребят я один вернулся с фронта.

1982

Примечания:

Полевая сумка – специальная сумка для командного состава армии, используемая для переноски и хранения рабочих документов.

Монпансье – мелкие разноцветные леденцы с фруктовыми вкусами, традиционно упаковываемые в жестяные коробочки. Название произошло от имени герцогини де Монпансье.

Экстерном (или экстернат) – форма аттестации, позволяющая пройти школьную программу самостоятельно и ускоренно без ежедневного посещения уроков.

Мережить – вышивать мережкой (ажурной вышивкой), делать узоры на ткани, выдергивая нити.

Батист – тонкая полупрозрачная ткань из хлопка или льна.

Монограмма – знак, составленный из соединённых, часто переплетённых друг с другом начальных букв имени и фамилии или из сокращения целого имени.

Арсений Тарковский

(1907–1989)

Балет

Пиликает скрипка, гудит барабан,

И флейта свистит по-эльзасски,

На сцену въезжает картонный рыдван

С раскрашенной куклой из сказки.

Оттуда её вынимает партнёр,

Под ляжку подставив ей руку,

И тащит силком на гостиничный двор

К пиратам на верную муку.

Те точат кинжалы, и крутят усы,

И топают в такт каблуками,
Карманные враз вынимают часы
И дико сверкают белками, –
Мол, резать пора! Но в клубничном трико,
В своем лебедином крахмале,
Над рампою прима взлетает легко,
И что-то вибрирует в зале.
Сценической чуши магический ток
Находит, как свист соловьиный,
И пробует волю твою на зубок
Холодный расчёт балерины.
И весь этот пот, этот грим, этот клей,
Смущавшие вкус твой и чувства,
Уже завладели душою твоей.
Так что же такое искусство?
Наверное, будет угадана связь
Меж сценой и Дантовым адом,
Иначе откуда бы площадь взялась
Со всей этой шушерой рядом?

1957

Примечания:

«...и флейта свистит по-эльзасски» – Эльзас, регион Франции, граничащий с Германией и Швейцарией, место проведения традиционных рождественских ярмарок. Именно в этом регионе в XVI веке появилась традиция наряжать рождественскую ель.

Рыдван – старинная большая карета для дальних поездок, в которую впрягалось несколько лошадей.

Карманные часы – часы, носимые в часовом кармане одежды своего владельца. Как правило, имели металлическую цепочку, которая крепилась к одежде, и откидную крышку с пружинкой, защищающую часовое стекло от повреждений.

Шушера – просторечное собирательное и презрительное обозначение ничтожных, дрянных людей, сброда или шпаны. Также в устаревшем значении – это хлам, ненужные вещи.